

Евразийское пространство в пост-кризисной мировой экономике и энергетике

Гюльнар О. Халова

*Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина
Москва, Россия, khalovag@yandex.ru*

Никита И. Иллерицкий

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук, illernick@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые макроэкономические результаты 2020 г. для мировой экономики и отдельных регионов и стран мира. Выявлен ряд отличительных черт мирового экономического кризиса 2020 г. и его влияние на динамику макроэкономических показателей отдельных регионов и стран мира – Евразийского экономического союза, Европейского союза, Китая. Отмечено, что в условиях кризиса обострились негативные тренды в мировой экономике и политике, ужесточились фундаментальные противоречия между основными участниками мировой экономики. В то же время отмечен высокий уровень взаимной зависимости экономик ЕС, ЕАЭС, КНР и других государств Евразии. Несмотря на кризисные условия и неблагоприятную политическую риторику, экономические интересы и реализация общеевразийских проектов могут стать объединяющим фактором для выхода из кризиса и формирования новых моделей развития, основанных на рациональной политике и общей выгоде государств Евразийского пространства.

Ключевые слова: Россия, Китай, ШОС, ЕАЭС

Для цитирования: Халова Г.О., Иллерицкий Н.И. Евразийское пространство в пост-кризисной мировой экономике и энергетике // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 126–134. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-126-134

Eurasia in post-crisis economy and energy

Gul'nar O. Khalova

Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia, khalovag@yandex.ru

Nikita I. Illeritskii

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Moscow, Russia, illernick@yandex.ru*

Abstract. The article considers some of the macroeconomic results of 2020 for the global economy and individual regions and countries of the world. The authors identify a number of distinctive features of the global economic crisis of 2020 and its impact on the dynamics of macroeconomic indicators in individual regions and countries of the world (the Eurasian Economic Union, the European Union, and China). It is noted that during the crisis, negative trends in the world economy and politics became more acute and fundamental contradictions between the main participants in the world economy became tougher. At the same time, a high level of mutual dependence of the economies of the EU, EAEU, China and other Eurasian states was noted. Despite the crisis conditions and unfavorable political rhetoric, economic interests and the implementation of all – Eurasian projects can become a unifying factor for overcoming the crisis and forming new development models based on rational policies and the common benefit of the states of the Eurasian space.

Keywords: Russia, China, SCO, EAEU

For citation: Khalova, G.O. and Illeritskii, N.I. (2021), “Eurasia in post-crisis economy and energy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 2, pp. 126-134, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-126-134

В 2020 г. мировая экономика столкнулась с одним из самых серьезных системных кризисов в новейшей истории. Многие российские ученые-экономисты и специалисты по международным отношениям неоднократно прогнозировали его наступление, однако пандемия COVID-19 ускорила и особым образом ужесточила его течение [Караганов 2021]. Описание, осмысление и анализ событий 2020 г. – предмет для глубоких, многосторонних и продолжительных исследований, однако предварительные выводы необходимо делать уже сегодня. По оценкам МВФ, кризис привел к падению мирового ВВП на 3,5% к уровню 2019 года. При этом наибольшее снижение ВВП было характерно для развитых стран мира – на 4,9%, в то время как развивающиеся страны потеряли лишь около 2,4%. Ожидаемые МВФ траектории восстановительного роста, заложенные на период 2021–2022 гг., также свидетельствуют о том,

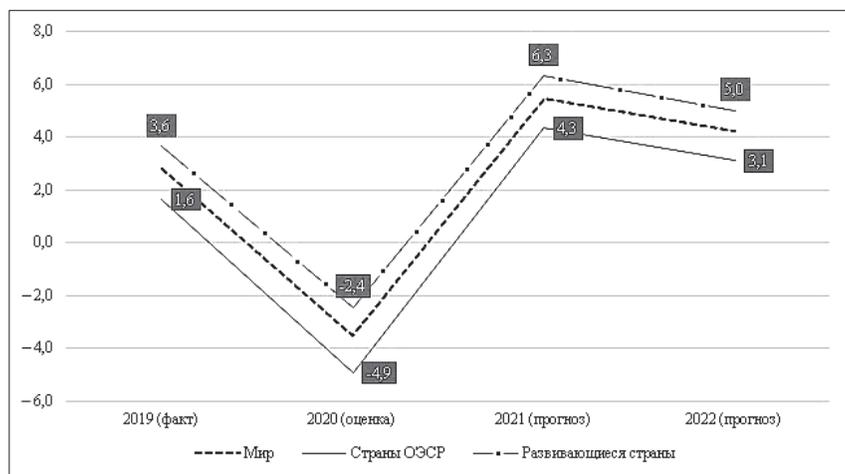

Рис. 1. Динамика ВВП стран ОЭСР и развивающихся стран мира в 2019–2022 гг. Источник: составлено по данным МВФ¹

что именно для развивающихся стран будет характерно более быстрое и более полное восстановление экономической активности, чем для стран ОЭСР (рис. 1).

Единственной крупной экономикой мира, сохранившей положительную динамику ВВП по итогам кризисного 2020 г., является экономика КНР (+2,3%). При этом среди развивающихся стран наиболее сильное снижение ВВП по итогам 2020 г. характерно для Индии (–8,0%), среди развитых – для стран зоны евро (–7,2%). При этом падение ВВП России на 3,6% (на 3,8% по версии Минэкономразвития РФ) незначительно отклонилось от среднемирового показателя в 3,5%, а ВВП стран Центральной Азии сократился на 3,2% (табл. 1). По оценкам отечественных экономистов, для России и многих других развивающихся стран, включая государства ЕАЭС, кризис не приобрел системного характера, спад оказался меньше ожидаемого, а восстановление возможно достаточно уверенными темпами, что в целом совпадает с оценками МВФ².

¹ IMF World Economic Outlook Update January 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update> (дата обращения 3 февраля 2021).

² Минэкономразвития оценило падение ВВП РФ в 2020 г. в 3,8% [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/742966> (дата обращения 14 февраля 2021).

Таблица 1

Динамика ВВП различных групп и отдельных стран мира
в 2019–2022 гг. по оценке МВФ

	2019 (факт)	2020 (оценка)	2021 (прогноз)	2022 (прогноз)
Мир	2,8	–3,5	5,5	4,2
Страны ОЭСР	1,6	–4,9	4,3	3,1
США	2,2	–3,4	5,1	2,5
Канада	1,9	–5,5	3,6	4,1
Страны зоны евро	1,3	–7,2	4,2	3,6
Прочие	1,8	–2,5	3,6	3,1
Развивающиеся страны	3,6	–2,4	6,3	5,0
Россия	1,3	–3,6	3,0	3,9
Китай	6,0	2,3	8,1	5,6
Индия	4,2	–8,0	11,5	6,8
Бразилия	1,4	–4,5	3,6	2,6
Страны Центральной Азии	1,4	–3,2	3,0	4,2
АСЕАН	4,9	–3,7	5,2	6,0

Источник: составлено по данным МВФ³

Мировой экономический кризис негативно сказался на динамике ряда социально-экономических показателей Евразийского экономического союза: объемы промышленного производства в ЕАЭС снизились на 2,7%, объемы розничной торговли – на 4,1%, объемы грузооборота – на 4,8%. По предварительным оценкам, снижение объемов внешней торговли ЕАЭС с третьими странами могло составить 15–17%, взаимной торговли внутри ЕАЭС – 10–12%⁴. Такие предварительные данные свидетельствуют, с одной стороны, о достаточно высокой включенности ЕАЭС в мировые торгово-про-

³ IMF World Economic Outlook Update January 2021.

⁴ Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза в январе–декабре 2020 г. ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/express.aspx (дата обращения 3 февраля 2021).

изводственные цепочки, поскольку влияние кризиса на показатели внешней торговли оказалось достаточно существенным. С другой стороны, снижение объемов взаимной торговли внутри ЕАЭС оказалось меньше, чем торговли ЕАЭС с третьими странами, что свидетельствует о работоспособности интеграционных механизмов даже в условиях кризиса и пандемии.

В условиях кризиса обострились и стали совершенно очевидны процессы эрозии мировой экономики, вызванные фундаментальными противоречиями как между отдельными крупнейшими игроками (США, страны ЕС, КНР, Россия и другие), так и на уровне системы в целом. Мировой экономической порядок, установившийся с 1991 г. и основанный на либеральной Бреттон-Вудской модели стимулирования потребления, не выдерживает усиления напряженности. Именно мировой экономический кризис и пандемия COVID-19 подчеркнули разобщенность мирового сообщества, неэффективность межгосударственных экономических и политических институтов, усилили тенденции протекционизма, размежевания практически во всех областях международного экономического и политического сотрудничества (Халова, Иллерицкий 2020). В конце 2020 – начале 2021 г. продолжилось обострение экономической и политической конфронтации между США и Китаем, возникли новые факторы, осложняющие развитие отношений между США и ЕС, а также между Россией и развитыми западными государствами.

С одной стороны, первые шаги новой администрации США в части возвращения в Парижское соглашение по климату, Всемирную организацию здравоохранения, продление договора СНВ-3 с Россией и ряд других действий являются позитивными сигналами для системы международных экономических и политических институтов. С другой стороны, стратегическая позиция США по отношению к Китаю и России не претерпевает значимых изменений. Ужесточение экономической конкуренции между Китаем и США, особенно в сфере высоких технологий и телекоммуникаций, безусловно останется главным фактором напряженности в мировой экономике и политике на весьма продолжительное время⁵.

С другой стороны, значимые изменения отмечаются европейскими исследователями в отношении к Соединенным Штатам и Китаю. Большая часть граждан государств-членов ЕС считает, что

⁵ С Россией – в другой манере. Чего ждать от Госдепа [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210205/bayden-1596058960.html> (дата обращения 5 февраля 2021).

политическая система в США функционирует неэффективно и что именно Китай в долгосрочной перспективе станет мировым лидером в экономике, телекоммуникациях и высоких технологиях. Подобные представления формируют в европейской политико-экономической повестке запрос, с одной стороны, на более серьезную дискуссию с США по вопросам экономического и военного сотрудничества, а с другой стороны – запрос на нейтралитет Европы в потенциальных конфликтах США с Китаем или Россией⁶. Эта позиция все чаще прослеживается и в риторике официальных лиц, особенно по чувствительным для Евросоюза вопросам взаимодействия с Россией в области энергетики и торговли. Министр иностранных дел Германии Хайко Маас, выступая в Бундестаге, заявил, что необходимо задуматься о том, к чему приведет отказ от реализации проекта газопровода «Северный поток – 2». «Те, кто ставят “Северный поток – 2” под вопрос, должны учитывать, какие геостратегические последствия это будет иметь и что это будет означать с точки зрения влияния Европы на Россию», – сказал он. По словам главы МИД Германии, он выступает против того, чтобы «рушить мосты» с Россией: «Это не только неправильно, но и опасно»⁷.

Изменение риторики – и в конечном счете эволюция позиции – Европы объясняется объективными экономическими факторами. Необходимо помнить, что на долю Китая приходится (по итогам 2019 г.) 19% европейского импорта (включая стратегически значимые энергетические товары) и 9% европейского экспорта. При этом на США, Китай и Россию в совокупности приходится около трети европейского экспорта и более трети европейского импорта (рис. 2). То есть от стабильности торгово-экономических отношений с этими тремя партнерами во многом зависит макроэкономическая стабильность ЕС в целом.

Для России и стран ЕАЭС, со своей стороны, торгово-экономические отношения с ЕС и Китаем также имеют первостепенную важность. По данным статистики ЕЭК по итогам 2019 г., 49% экспорта стран-членов ЕАЭС пришлось на Европейский союз, 14% экспорта – на Китай. Импорт осуществлялся в основном также из

⁶ The crisis of American power: How Europeans see Biden's America [Электронный ресурс]. URL: <https://ecfr.eu/publication/the-crisis-of-american-power-how-europeans-see-bidens-america/> (дата обращения 3 февраля 2021).

⁷ Germany hopes for quick talks with U.S. about Nord Stream 2: minister [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-germany-nord-stream-2-maas-idUSKBN29K19Y> (дата обращения 1 февраля 2021).

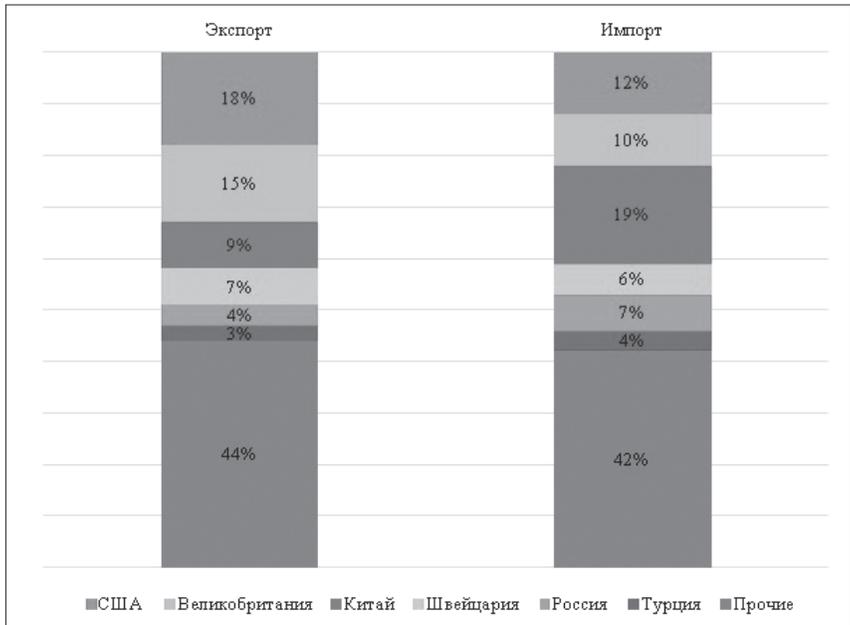

Рис. 2. Основные торговые партнеры ЕС в 2019 г.
(в долях от стоимостных объемов импорта и экспорта)
Источник: составлено по данным Евростата⁸

Европейского союза (38%) и Китая (24%)⁹. Предварительные данные за кризисный 2020 г. подтверждают сохранение аналогичной географической структуры внешней торговли ЕАЭС, несмотря на сокращение товарных и стоимостных объемов¹⁰.

Для самого Китая в обострившемся соперничестве формируются при этом относительно благоприятные условия. В результате

⁸ International trade in goods // Eurostat [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/International_trade_in_goods (дата обращения 15 января 2021).

⁹ Об итогах внешней торговли товарами Евразийского экономического союза в 2019 г. // ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2020/Analytics_E_201912_180.pdf (дата обращения 23 декабря 2020).

¹⁰ О внешней торговле товарами Евразийского экономического союза (январь–ноябрь 2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2020/Analytics_E_202011.pdf (дата обращения 21 января 2021).

кризиса подтвердилась более высокая эффективность и устойчивость азиатских экономик (и политических систем). Однако даже эффективно справившись с пандемией, китайская экономика не достигла в 2020 г. целевых ориентиров роста – в первую очередь из-за падения объемов экспорта, нарушения производственных и логистических цепочек. И, вероятно, единственным эффективным в долгосрочной перспективе решением для всех трех ключевых игроков Евразийского пространства будет реализация проектов общего экономического интереса: интеграционной модели ЕАЭС, сотрудничества по линии ШОС, развития китайской инициативы «Один пояс и один путь», создания транспортного коридора «Север – Юг», а также двустороннего сотрудничества отдельных государств и компаний [Дынкин, Телегина, Халова 2018]. И может оказаться, что именно нынешний кризис способен толкнуть всех к рациональной политике, нацеленной на общую выгоду, а не к дальнейшему разобщению. А для ЕАЭС и России в этих условиях как никогда становится важна роль надежного партнера в экономике, энергетике, торговле, связующего звена и моста между теряющими динамику экономического развития частями Евразии.

Литература

- Дынкин, Телегина, Халова 2018 – Дынкин А., Телегина Е., Халова Г. Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 4. С. 5–24.
- Караганов 2021 – Караганов С. Очистительный кризис? // *Россия в глобальной политике*. 2021. Т. 19. № 1. С. 9–20.
- Халова, Иллерицкий 2020 – Халова Г.О., Иллерицкий Н.И. Перспективы международного экономического сотрудничества после кризиса 2020 года: пути к новому равновесию // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. 2020. № 3. С. 112–121. DOI: 10.28995/2073-6304-2020-3-112-121

References

- Dynkin, A., Telegina, E. and Khalova, G., (2018), “The role of the Eurasian Economic Union in the formation of Great Eurasia”, *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 4, pp. 5–24.
- Karaganov, S., (2021), “A Cleansing crisis?”, *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 1, pp. 9–20.
- Khalova, G.O. and Illeritskii, N.I. (2020), “Prospects for International economic cooperation after the crisis of 2020: the path to a new equilibrium”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 3, pp. 112–121, DOI: 10.28995/2073-6304-2020-3-112-121

Информация об авторах

Гюльнар О. Халова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина, Москва, Россия; 119991, Москва, Ленинский пр., д. 65, khalovag@yandex.ru

Никита И. Иллерицкий, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23, illernick@yandex.ru

Information about the authors

Gul'nar O. Khalova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia; bld. 65, Leninskii Avenue, Moscow, Russia, 119991; khalovag@yandex.ru

Nikita I. Illeritskii, junior researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; bld. 23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997; illernick@yandex.ru